

Твердь Бородина

Александр Владимирович Орлов,
учитель истории, истории религий и обществознания
средней школы № 492, г. Москва

Нам не рекомендуют посвящать урочное время экскурсиям и поездкам. Что ж, придётся, воспитывая энтузиазм, кланяться национальным святыням по выходным и каникулярным дням.

*Воины Красной армии
на Бородинском поле.*

Учительский редут

В наши дни, когда интерес к истории своего народа фактически утерян, следует уделять повышенное внимание именно истории Отечества. Передавая знания, учитель не просто обучает, а ученик не просто познаёт всю многовековую историю своей страны. Фигуранты действия под названием «урок» вступают в связь с поколениями предков, они проживают за мгновения урока века и вплетённые во временное раздолье судьбы. Учитель по воле Бога должен не чувствовать себя творцом, а быть им. Учитель возлагает на себя громадную ответственность за понимание и правильное разностороннее повествование исторических событий. Учитель обязан находить историческую составляющую в реальных событиях современности и показывать её ученикам.

Хочется вспомнить поучительное наставление Джорджа Сантаяна: *«Тот, кто забывает об истории, обречён на её повторение».*

Сам ход урока должен быть подготовлен с учётом возрастной группы и интересов учащихся. Говоря об Отечественной войне 1812 года, следует выбирать направление, увлекающее учеников. Так, например, во время проведения урока, посвящённого Бородинскому сражению, я видел, с какой заинтересованностью слушали мой рассказ девушки десятого класса, именно в те минуты, когда речь заходила о героической смерти генерала Александра Алексеевича Тучкова. Не лишним отступлением был и краткий рассказ о великой и трагичной любви генерала и его супруги Маргариты Тучковой (Нарышкиной), сохранившей преданность мужу после гибели героя на Бородинском поле

Урок истории

и основавшей Спасо-Бородинскую женскую обитель. Сегодня мы оглядываемся на образ русской женщины, чистой и преданной, и задумываемся о развратных изменениях, произошедших в умах и сердцах современного общества. Ведь именно женщина — хранительница истинной и благодатной любви, которая посетила Тучковых и о которой Иван Александрович Ильин писал следующее: *«Любить и быть любимым своей возлюбленной. Какое счастье, какое богатство творческих возможностей... Уже само по себе — живая хвалебная песнь Господу. Исполнение лучших желаний, парящая радость, одухотворённый показ, восходящая утренняя заря... В человеке пробуждаются потаённые силы его далёких предков, с которыми он удивительным образом чувствует себя единым... Всё просыпается для него, всё живое окликает его; и он чувствует себя цельным и окрылённым. Ему, одному, «самому великолепному из всех» — можно цвести... Ей, единственной, чудесной — возносить хвалу, сметь служить, ею жить!...»*

Юноши были поглощены повествованием о храбрейшем силаче генерале Костенецком, который рубил неприятеля саблей, бил банником, а после свалил на землю несколько всадников. Школьники были удивлены, что самыми молодыми участниками сражения на Бородинском поле были фактически их ровесники: Сергею Муравьёву-Апостолу было 16, Артамену Муравьёву — 18 лет, а прапорщику Владимиру Раевскому вручили наградную золотую шпагу с надписью «За храбрость» в 17 лет.

«...Но я искал сражений, — писал Раевский — не для наград только. Я чувствовал какое-то влечение к опасностям и ненависть к тирану, который осмелился вступить в наши границы, на нашу родную землю».

В своей практике я регулярно проводил письменные работы, так каждый ученик во время изучения Отечественной войны 1812 года сдавал мне две освоенных вещицы, повествующих об одном военачальнике из русской

и французской армий. В ученическом коллективе ребята из давно обрусевших семей по моему предложению писали о подвигах пращуров.

Багратион, Барклай де Толли, Бистром, Багговут, Винцингероде, Витгенштейн, Дамас, Дибич, Давыдов, Депрерадович, Милорадович, Глинка, Чаликов, Фигнер, Шварц... — это ли не русские витязи, принёсшие славу русскому оружию.

Ровно год назад победителями олимпиады, посвящённой Бородинскому сражению, которую проводила Троице-Сергиева лавра, стали мои ученики: Ирина Баратова, Степан Калинин, Сергей Епифановский, Полина Щекина. Сборная команда школы по истории, именуемая «Орлята», одержала верх в межшкольной интерактивной игре «Твой 19 век». Капитан команды Степан Калинин вышел в финальную часть Всероссийской олимпиады «Ломоносов», а впоследствии поступил на исторический факультет МГУ.

Введение интегрированных уроков в школьную программу кажется своевременной необходимостью.

Совместные уроки литературы и истории развивают мышление, эрудицию, воспитывают нравственность школьника. Обязателен общий просмотр художественного фильма «Война и мир» по одноимённому роману Льва Николаевича Толстого. В легендарной картине Сергея Фёдоровича Бондарчука сцены баталлий поставлены на высочайшем уровне и служат наглядным пособием. Следует уделить внимание и колоссальной роли великой русской литературы в освящении событий французской кампании 1812 года. Имена Вяземского, Глинки, Давыдова, Жуковского, Фонвизина должны быть не просто известны, а изучаемы наряду с Пушкиным и Лермонтовым.

На интегрированных уроках истории и МХК преподавателям следует рассказывать о художественном наследии, которое оставили после себя Адам, Доу, Верещагин, Коцебу, Ланглуа, Рубо, Хесс, дю Фор...

А.В. Орлов. Твердь Бородина

И как не вспомнить патриотические произведения, посвящённые Отечественной войне 1812 года, которые ещё не так давно имели неслыханную популярность в России, кто из учителей и учеников знает имена русских композиторов: Кашина, Алябьева, Бортнянского, Козловского, Кавоса, кто слышал увертюру Чайковского, восхищался оперой Прокофьева, видел балет Хренникова?

«...на ферме мы бегали на лошадиное кладбище, почему я узнал, что конь Александра I прозывался «Бьют». На нём он сделал всю Французскую кампанию. Не знаю, придётся ли мне лежать в такой злачёной могиле». Из воспоминаний художника-морьяка А.П. Боголюбова о ребяческой поре, проведённой в Александровском Царском-сельском корпусе. Только так уважительно и по-детски преданно надлежит хранить память о подвигах предков.

Вглядываясь в 1813 год, мы увидим, что императорский фарфоровый завод уже выпускал тарелки с портретами Кульнева, Кутайсова, Сеславина, чашки с портретом Кутузова, вазы с портретом Платова, бокалы, посвящённые

взятию Парижа. На весь мир стали известны изделия, посвящённые победе в Отечественной войне, изготовленные на заводах Бехмтеева и Гарднера, а спустя столетие и товарищества Кузнецова.

Тематика победы России в Отечественной войне 1812 года настолько обширна, что следует только увлечённо трудиться в этом направлении, развивать учеников, формировать одухотворённых личностей, жаждущих глубоких познаний, умеющих дорожить прекрасным.

Малосведущее отношение к истории страны стало в современном мире формой общения. Содомское бескультурье является темой для обсуждения, слышатся призывы о всепонимании и всепрощении, существует пропаганда греховных и кощунственных помыслов, действий, в этот мусорный омут противоречий попадает подросток, который оказывается обезоруженным, предстаёт нагим младенцем перед геенской информационной агрессией. Борьба с этим разрушающим невежеством — это первоочередная задача современного педагога. Знания, воля, вера, надежда, любовь

Вдова генерала Тучкова. Худ. Н.С. Матвеев.

Урок истории

должны стать всеокрушающим оружием учителя. Учителя есть хранители истины, ключники традиций, национального достояния, стяжатели духа. Иван Александрович Ильин завещал нам: *«Дух есть самое главное в человеке. Каждый из нас должен найти и утвердить в себе своё «самое главное» — и никто другой заменить его в этом нахождении и утверждении не может. Дух есть сила личного самоутверждения в человеке, но не в смысле инстинкта и не в смысле рационалистического «осознания» состояний своего тела и своей души, а в смысле верного восприятия своей личностной самосутности, в её предстоянии Богу и в её достоинстве».*

Бородинское крещение

Девичье поле встретило нас сухощавым шафранным листопадом, сентябрьское солнце то исчезало, то возникало украдкой. Мы шли по усыпанной сухими листьями аллее, за крепостной стеной возвышалась колокольня, сияли купола Смоленского и Успенского соборов. Остались позади Чеботарная, Швальная, Иосафовская башни. Дойдя до Никольской башни, мы повернули налево, Царицына башня последней указала нам дорогу к воротам обители.

В арке надвратной Преображенской церкви я увидел, как от неожиданности вздрогнули две монахини, они были напуганы громкоговорящей разноязычной толпой иностранных туристов. Не составляет труда определить французов и итальянцев, а вот немцев и австрийцев, испанцев и португальцев нередко можно перепутать.

Я задумался, какой неистовый испуг посетил двести лет назад сестёр обители, когда под исступленный рёв труб и оглушающую барабанную дробь через монастырские ворота победоносно промаршировали две тысячи французских солдат из 1-го корпуса герцога Ауэрштедтского маршала Франции Даву.

Запланированная экскурсия восьмиклассников в монастырские пределы началась с исто-

рии о находившемся здесь штабе одного из самых известных выпускников военного училища в Бриенне. Военное подразделение Даву было самым дисциплинированным и обученным в «Великой армии». Основу корпуса бургундского военачальника, сформированного в Гамбурге, составляли бывалые вояки, а новобранцы были перемешаны с ветеранами, и не было ни одного унтер-офицера, не имевшего опыта боевых действий. Существовал строжайший отбор по национальной принадлежности, и первенство корпуса среди других воинских частей «Великой армии», за исключением императорской гвардии, было неоспоримым. Все солдаты корпуса «Железного маршала» были прекрасно вооружены, одеты, обуты, имели амуниционное время. Именно 1-я дивизия генерала Морана из корпуса Даву была удостоена чести открыть русскую кампанию и первой переправиться через Неман.

Напрашивалась аналогия с войсками СС Адольфа Гитлера. Припомнился и маршрут «легиона французских добровольцев», проследовавших через Смоленск и воевавших на Бородинском поле, да и с 33-й гренадёрской дивизией СС «Шарлемань», оборонявшей Берлин до последнего патрона.

Мы прошли к Успенскому собору. Целью нашего визита был урок истории, посвящённый двухсотлетию Бородинского сражения, он состоялся возле надгробия генерала от инфантерии, героя Бородинского сражения Василия Ивановича Тимофеева.

Крутые курганы, смешанные леса, глубокие овраги, неприступные холмы, стремительные ручьи, непроходимая река, болотистые низины — так выглядел русский ад для многонационального воинства, оваянного мифической славой.

Французы предстали после первого артиллерийского выстрела из густой вязкой мути, их скованные колонны надвигались на деревню Бородино. Линейные пехотинцы генерала Дельзона после штыковой схватки продавили

А.В. Орлов. Твердь Бородина

ряды лейб-гвардии егерского полка. Командир гвардейских егерей полковник Бистром получил приказ отступить на правый берег реки Колочь. Увлечённые победным наступательным порывом, линейные пехотинцы устремились вслед за гатчинскими егерями через мост. Киноварная вспышка и угольная туча на мгновенье укрыла солнце. Мост через реку Колочь пламенел и распадался. Три десятка добровольцев из Гвардейского экипажа под командованием мичмана Лермонтова отсекли передовые части дивизии Дельзона и закрыли дорогу корпусу неаполитанского вице-короля Богарне. А на правом берегу Колочи уже клокотал и краснел зелёно-синий людской вал. Собранный из лучших дворцовых, петербургских, кронштадтских гребцов морской экипаж, выжившая часть гвардейских егерей три подоспевших егерских полка истребляли 106-й линейный полк дивизии Дельзона.

В день высвобождения русского духа на Бородинском поле 2-м батальоном лейб-гвардии Литовского полка командовал подполковник Тимофеев. Его батальону, выстроенному в каре, противостояла тяжёлая кавалерия дивизионного генерала Нансути, перед атаккой высокорослых латников лейб-гвардии Литовский полк был открыт для неприятельских батарей и под рьяный свист летящих ядер не выказал никакого беспокойства. Хладнокровные гвардейцы гибли, ряды невозмутимо смыкались. Как только стихла ретивая пальба, со стороны Семёновского оврага показалась медная, сияющая, рыцарская лавина. Кирасиры корпуса жирондинца Нансути с шага перешли на рысь, приблизились к солдатам Литовского полка и ринулись в карьер. Конское ржание и дьявольский топот, молниеносное сверканье палашей и устрашающие вскрики. Тимофеев скомадовал «в ружьё» и приказал не стрелять, опытный офицер был уверен, что лошади не пойдут на блестящие штыки. Карэ было окружено. Лошадей, сумевших под напором верховых приблизиться к гвардейским воинам, кололи в морду. «Железные всадники» Наполеона в замешательстве пытались перестроиться. Тимофеев прокричал: «Ура!» Красно-

грудый батальон бросился в штыки и обратился в отчаянное бегство конную колонну. Растерянные конники, гонимые русскими ратниками, своим обескураженным уходом были подобны тевтонским крестоносцам на Ладожском озере.

Поражение панцирников Нансути в верховье Семёновского ручья не остановило Наполеона, пришла очередь пехотинцев напористого Фриана. Два резервных взвода капитана Арцыбашева были поставлены в одну линию, в две шеренги, а не в три, как полагалось, в момент приближения французских колонн нападавшие видели только заячьи султаны, кивера и блеск штыков оборонявшихся, обманутые таким образом французы останавливались и открывали огонь. Обескровленный лейб-гвардии Литовский полк удерживал Семёновскую высоту. Сплочённой нерушимой цепью медленно подступали пехотные полки французов, ведомые в бой дивизионным генералом Фрианом. Солдаты битого пикардийца, превосходившие по численности русских в шесть раз, вытеснили гвардейцев с пропитанной кровью высоты. Господство их было недолгим! При поддержке остатков 2-й и 27-й дивизий лейб-гвардии Литовский полк выбил смельчаков Фриана с Семёновского возвышения. Перед последней атакой раненый командир гвардейцев Удом передал командование единственному штаб-офицеру, оставшемуся в строю, полковнику Шварцу. Во время штурма Семёновской возвышенности получивший два смертельных ранения Шварц не покинул поля боя, оставшись на покорённой высоте. Так состоялись огненные крестины лейб-гвардии Литовского полка. Какое восхищение вызвали они у Кутузова, Коновницына, Дохтурова!..

Из солнечного морока на полном ходу кавалергарды полковника Левенвольде врезались в полки вестфальских и саксонских кирасир Лоржа. Мгновенья спустя на петербургских латников насели полки польских пикенёров, уланы графа Рожнецкого, ударили с фланга и в тыл. Дым, пылица, свист, разноязычные выкрики, в рукопашной схватке кавалеристов всё перемешалось: блеск

Урок истории

эполет, яркие попоны, многоцветные чепраки, волосяные гребни, колющие пики, срубаящие палаши, рассекающие сабли, блестящие кирасы... В ожесточённый бой ввязались петербургские конногвардейцы, налетевшие на «огаланских» шляхтичей. Гибнет Левенвольде, раненного командира конногвардейцев Арсеньева сменил полковник Леонтьев. В жесточайшую рубку вступили кавалеристы корпуса дивизионного генерала Груши. Промчались саксонский и баварский легкоконные полки, голландские гусары, выручат лейб-гвардии конный полк ринулись драгунские полки 2-го кавалерийского корпуса генерал-майора Корфа. Как меняла свой цвет убийственная сеча она белела, желтела, синела, зеленела, рдела и, наконец, исчезла. Французская кавалерия 4-го и 2-го кавалерийских корпусов дивизионных генералов Латур-Мобура и Груши была опрокинута и в окровавленной сумятице умчалась к Семёновскому ручью. Грандиозное дымчато-пурпурное зрелище напоминало Куликовскую битву, Грюнвальдское сражение, Курскую дугу!..

Школьники наперебой обсуждали проигранное и переломное сражение, хитрость Кутузова, смертельное ранение Багратиона, дальновидность Барклая де Толли, отвагу Ермолова, стойкость Раевского, говорили о смерти во имя жизни. Но когда заходила речь об участниках кровавой рубки у Семёновского оврага, глаза школьников переполнялись вдумчивым участием. При упоминании лейб-гвардии Литовского полка, его командира полковника Удома, полковника Шварца, подполковника Тимофеева, капитана Арцыбашева, прапорщика Пестеля все с памятным уважением замирали. Оценили они и дивизионных командиров 1-го корпуса французской армии упрямого Фриана, неустрашимого Дессе, и храброго Компана.

Смоленский витязь — подполковник Тимофеев в Бородинском сражении был тяжело ранен в левую ногу и покинул поле брани, позднее он был произведён в полковники и награждён орденом Св. Георгия 4-й степени.

Высочайшим приказом 13 апреля 1813 года полку пожаловано Георгиевское знамя с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года», а 12 октября 1817 года лейб-гвардии Литовский полк переименован в лейб-гвардии Московский полк.

Моросило. Словно золотые острова, в малахитовом море виднелись ольховые листья на газоне у Певческих палат, где два столетия назад каждое утро играли военные музыканты. Кто-то из ребят спросил меня: «А что же было с монастырём дальше?»

Как опричники Иоанна Грозного, французские завоеватели пленили монахинь, превратили красивейший и богатейший монастырь Москвы в бивуак. Солдаты заняли храмы, палаты, кельи, трапезные, подвалы. Обитательницы были вынуждены со смирением обслуживать непрошенных гостей, монахини стирали, убирали, чинили одежду французов. Некоторое время на оккупированной территории монастыря были разрешены богослужения. По Смоленскому и Успенскому соборам в алтаре у престола и жертвенника, по клиросу разгуливали французские офицеры, не снимавшие головных уборов. Всё время проживания в монастыре французы разыскивали православные святыни. Но накануне вхождения наполеоновской армии в Москву, когда дорога от Филей до Дорогомиловской заставы походила на факел, настоятельница обители игуменья Мефодия Ивановна Якушкина собрала церковную утварь, икону Смоленской Богородицы «Одигитрии», потиры, кресты, Евангелия, серебро и заложила в стену соборной церкви за образом Воскресения Христова.

Молебны, акафисты, псалмопения, сладостный запах афонских благовоний, — всё это обыденное монашеское умиротворение досаждало захватчикам.

Как и после нашествия Тохтамыша, Москва превратилась в чёрное уймище, шёл девятнадцатый день после занятия Новодевичьей обители французами.

А.В. Орлов. Твердь Бородина

Дымчатым и влажным утром в монашеское обиталище как огненное октябрьское пламя ворвался «Корсиканский дракон», осеннее ожесточение Бонапарта коснулось и женского монастыря. Восседая на лошади, Наполеон произвёл осмотр, его сопровождала свита и сорок императорских гвардейцев. Накануне приезда императора Франции солдаты вычистили загаженную территорию монастыря, а по его приказу уничтожили храм Иоанна Предтечи, южные ворота были завалены камнями, брёвнами и песком, напротив них была установлена пушка. «Железный человек», как ещё называли Даву, с особым рвением исполнял оскверняющие приказы «Корсиканского дракона». В помещениях монастыря были размещены продовольственные склады. В кельях бесчинствовали одурманенные вином аквитанцы, бретанцы, лангедокцы и овернийцы.

В каждой роте корпуса непобедимого маршала имелись оружейники, каменщики, пекари, сапожники, но работа нашлась только для сапёров.

Промозгой ночью в праздник апостола Иакова Алфеева, покидая монастырские стены, признательные постояльцы заминировали Смоленский собор. К средневековому деревянному иконостасу прикрепили зажжённые свечи, в подклете установили шесть бочек с порохом, храмы, палаты и кельи были зава-

лены ядрами, гранатами, патронами и высушенной соломой.

Так приказал Наполеон, так жаждал Даву, который платил России за свои слёзы. «Железный маршал» Франции плакал лишь однажды, когда во время сражения при Валутиной горе дивизионному генералу Гюдону после первого оружейного залпа оторвало обе ноги, командир 3-й дивизии 1-го корпуса скончался в Смоленске.

Белокаменный собор был спасён казначейшей монастыря инокиней Саррой, которая дождалась ухода последнего французского солдата и залила водой полыхающее пламя вокруг откупоренных пороховых бочек.

Глядя вслед вальяжным европейским туристам, я думал, как два века назад ревностный католик Даву ежедневно покидая Годуновские палаты, неторопливо направлялся в окутанный кармазинным маревом Кремль, к алтарю Чудова монастыря, в котором князь Экмюльский устроил себе кошунственное спальное ложе. Какие сны видел Даву?..

Урок был закончен. Брусничные солнечные лучи путались в пожелтевшей листве вязов и тополей и рассеивались за могучими стенами Новодевичьего Богородице-Смоленского монастыря.

